Елена Арсеньева

Браки совершаются на небесах

Исторические повести любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

- Елена Арсеньева
  - ***
- notes
  - 1

Елена Арсеньева
Невеста двух императоров
Дагмар-Мария Федоровна, Николай Александрович и Александр III

***

Эта история началась как трагедия, а закончилась как идиллия. Было в ней место и водевилю, и откровенной комедии. Потому что в жизни они мирно сосуществуют рядом.

* * *

Как-то раз один пятилетний ребенок сказал своей маме, что когда-нибудь он непременно сделается царем. «После дедушки будет папа, а потом я – Саша».

Его матушка засмеялась. И не только потому, что слышать такие слова из уст пятилетнего малыша и в самом деле смешно. И пусть даже этот мальчик родился в императорской семье и звался великим князем Александром Александровичем, того, о чем он говорил, не могло случиться. Не могло – и все! Законы престолонаследия невозможно нарушить – во имя незыблемости других государственных законов. А наследник престола, который должен был сделаться русским императором после Александра II, в семье уже имелся. Его звали Николаем Александровичем, и, воцарившись, он титуловался бы Николаем II. Впрочем, сейчас, в 1855 году, ему было всего лишь одиннадцать лет и звался он просто Никс. А его лучший друг, младший брат Саша, называл его шутливо Никса.

Братья росли и взрослели, как и положено царским сыновьям. Воспитание было строгим, отнюдь не праздным.

В 1861 году отец Никса и Саши, император Александр II, отменил своей властью крепостное право в России. Александр восхищался отцом, однако про себя думал, что, наверное, даже хорошо, что не родился наследником престола. То детское честолюбие давно кануло в Лету. Чем дальше, тем больше ужасался он даже призрачной возможности сделаться венценосцем. Кто-кто, а царевичи отлично знали, что власть – это воистину тяжкое бремя, и за право быть помазанником Божиим человек платит порою избыточно дорого.

Отдохновение от суровой учебы и регламентированного быта братья находили в чтении. Они с удовольствием открыли, что не только на французском, но и на русском языке есть «очень порядочные книги». Никс особенно увлекался поэзией, Лермонтовым.

Он вообще был более тонкой натурой, чем младший брат. Александр даже выглядел куда крепче. Никс порою любовался

братом. Особенно ему нравилось, как Александр работал молотом в кузнице. Был таким сосредоточенным, деловитым, пот градом струился по его телу – очень сильному, атлетически сложенному. И все же во многом Никс был взрослее брата. Именно поэтому никто не удивился, когда родители, отправляя его в путешествие по Европе, поставили условие непременно посетить Данию и познакомиться со второй дочерью датского короля Христиана IX – Марией-Софьей-Фредерикой Дагмар, которой еще не было семнадцати лет. Никс показал брату фотографию принцессы, однако Александр не нашел в ней ничего особенного: так, милая барышня, но бывают и получше. Никс обиделся; братья не сразу помирились.

Честно говоря, Александр предвидел, что эта встреча «плохо кончится». Барышню прочили в невесты его брату! Таким образом Никс невозвратно уходил в совсем иной, взрослый мир, куда Саше соваться пока совершенно не хотелось. Он чувствовал, что скоро перестанет быть для брата единственным и лучшим другом. Эта барышня вклинится между ними и разлучит.

Он ревновал. Однако переживания «милого Маки» (так Александра насмешливо называли в семье) никого не интересовали, даже родителей. Он считался увальнем. Его не принимали всерьез. Тем паче когда речь шла о женитьбе Никса на датской принцессе.

Эта мысль очень грела императора. Поддержка России много значила для Дании, а России было выгодно закрепиться в прибалтийской стране – в пику Вене и Берлину. Через Дагмар русские цари могли породниться и с английским королевским домом. Кроме того, в России невесты из захудалых немецких княжеств всем порядком поднадоели, а брак с датской принцессой никого не раздражал.

Впрочем, решение, конечно, оставалось за Никсом. Династический брак – это хорошо, но прожить всю жизнь с женщиной, к которой у тебя не лежит сердце, – такой участи император не желал своему сыну. Он сам слишком хорошо знал, что это такое.

Никс ехал в Копенгаген только посмотреть на принцессу. Однако вышло так, что он влюбился в нее с первого взгляда. Не могло быть «барышни получше», как выразился глупый брат. Она сразу стала для Николая единственной.

При этом она вовсе не была красавицей в общепринятом смысле этого слова. Да и умом не блистала. В ней было нечто большее, чем красота и ум. В ней были живость и шарм. Каким-то непостижимым образом она умела нравиться всем. Самые сварливые тетушки обожали ее. Придворные наперебой

стремились услужить. Кавалеры не давали проходу на балах, в то время как более красивые дамы танцевали только с теми, кто приглашал их по обязанности. Словом, Дагмар была неотразима!

При этом она была послушной дочерью. Прекрасно зная, что ей необходимо выйти за русского цесаревича – в интересах государства, – она была согласна заранее, даже не видя его. Без колебаний решилась сменить лютеранскую веру на православную, что являлось необходимым условием замужества. Однако таково было счастливое свойство ее натуры, что она готова была не только стать женой Николая, но и полюбить его. И полюбила!

Впрочем, он оказался вполне достоин этого. Никто другой не был так похож на того прекрасного принца, о встрече с которым мечтает каждая девушка. Дагмар повезло.

Ее «да» вознесло Никса почти на небеса. Он услышал это желанное слово в укромном уголке парка загородной королевской резиденции Фреденсборг. Никс и Дагмар немедленно бросились друг к другу в объятия и принялись страстно целоваться. И оба поняли, что могут быть очень счастливы в супружестве. Они не сомневались, что созданы друг для друга!

С каждым днем они влюблялись все сильнее. Дагмар была идеальной женщиной – она моментально превращалась в зеркало для любимого мужчины. Причем в такое зеркало, которое отнюдь не искажает отражение, а только приукрашивает его. Она прекрасно поняла, что ее имя будет звучать чуждо для русского слуха, и охотно согласилась зваться отныне Марией. Вернее, Минни.

Не сказать, что это ей так уж сильно нравилось. Но ведь это ради обожаемого Никса!

А Никс тем временем бомбардировал родителей восторженными письмами:

«Дагмар такая душка! Она лучше, чем я ожидал; мы оба счастливы… Знакомясь друг с другом, я с каждым днем все более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, я найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить».

Между тем в России новость о предстоящем браке цесаревича была новостью номер один. На все лады обсуждались плюсы и минусы самой брачной партии и невесты в частности.

Был, впрочем, один человек, который «душку Дагмар» заранее на дух не переносил. И прежде всего потому, что не сомневался: это брак по расчету. Жениться надобно только по

любви, династические браки никому не приносят счастья. Взять хотя бы государя императора Александра II!

К тому же, эти иностранки… Почему не жениться на русской красавице?

Человек этот, несмотря на юность, рассуждал со знанием дела. И все же мысли о любви, хоть и чистые и прекрасные, были в данном случае, что называется, в пользу бедных. Ему, великому князю Александру, тоже придется когда-нибудь жениться по расчету, из государственных соображений. Что же говорить о цесаревиче!

И все-таки он был заранее настроен против этой «навязанной» любимому брату принцессы. Причем настроен весьма воинственно. И даже письма брата о невесте казались ему фальшивыми:

«Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным и знать, что тебя любят так же. Грустно быть так далеко в разлуке с Минни, моей душкой, маленькой невестою. Если б ты ее увидел и узнал, то, верно, полюбил бы как сестру. Я ношу с ее портретом и локон ее темных волос. Мы часто друг другу пишем, и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались, прощаясь, и до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви. Хорошо было тогда, скучно теперь, вдали от милой подруги. Желаю тебе от души так же любить и быть любимым».

Боже ты мой, что может сделать какая-то «барышня» с хорошим, умным человеком, почти в ужасе размышлял Александр. Все, брата Никса больше нет! Не доведет его до добра эта душка… эта Дагмар, Минни, какая разница? Нет, не доведет!

Ну и что толку было в его страданиях? Все равно мнением «милого Маки» никто и никогда не интересовался.

Тем временем Никс продолжал свою поездку по Европе. Он условился встретиться с Дагмар в Ницце, где в это время жила императрица Мария, его матушка. У нее были слабые легкие.

Жених и невеста постоянно переписывались, при этом Дагмар много писала и родителям Никса. Особенно доверительные отношения у нее установились с императором. Что и говорить, ей всегда было легче находить общий язык с мужчинами, чем с женщинами. А впрочем, грех жаловаться. Мать Никса тоже была очень расположена к его невесте – хоть никогда еще не видела ее. Но, судя по ее письмам, эта Дагмар-Минни и впрямь хорошая девочка.

«Мои любимые родители! Разрешите мне добавить эти несколько строчек к письму вашего дорогого сына, моего любимого Никса, чтобы выразить вам то счастье, которое я испытываю в этот момент от того, что чувствую себя связанной с

вами столь дорогими для меня узами. Пусть Бог своей добротой поможет мне сделать вас также счастливыми, чего я сама желаю от всего сердца. Отдайте и мне немного той любви, которую вы испытываете к вашему сыну, и вы сделаете меня тоже счастливой. Преданная вам Дагмар».

Нет, в самом деле, очень милое письмо, благосклонно думала императрица. Ну очень милое!

Тем временем Никс, продолжая свое путешествие, прибыл в ноябре в Италию, и тут случилась беда. Его сковал приступ страшных болей и не отпускал несколько дней. Он не мог спать, не мог есть. Каждое движение причиняло мучение. Эта болезнь, которую врачи называли люмбаго, а русские – прострел, первый раз скрутила его еще весной, в Царском Селе. Но все прошло довольно скоро. А теперь болезнь что-то затянулась…

При первом же признаке улучшения Никс отправился во Флоренцию, продолжать свой вояж, однако приступ накатил снова. Все официальные визиты пришлось отменить – цесаревича уложили в постель, а потом перевезли в Ниццу, к матери. Для него сняли виллу Бремон, мать жила с младшими детьми на вилле Дисбах, сама чувствовала себя плохо, сына навещала не часто, и Никс отчаянно скучал.

Впрочем, свою болезнь он не очень-то принимал всерьез и даже стыдился ее. Ну в самом-то деле, в двадцать один год вдруг скрючиться и хвататься за поясницу, словно старикашка! Это же смеху подобно! Да и врачи этот «простудный ревматизм» тоже не считали за опасную болезнь. Никса пользовали парижские светила, профессора Нелатон и Рейе, которые уверяли, что все скоро пройдет.

Никс ждал этого «скоро» как манны небесной. Он страшно тосковал по Дагмар, ждал ее приезда и надеялся, что к этому времени совершенно выздоровеет.

Довольно неприятное событие в это время отвлекло его от хвори. Дело в том, что Дания как раз подписала очень унизительный для нее Венский мирный договор, который стоил здоровья ее королю, отцу Дагмар. В стране царило уныние, и тогда принцесса, в которой было еще немало совершенно детской наивности, обратилась в русскому царю, который казался ей всемогущим. Обратилась к будущему свекру:

«Извините, что обращаюсь к Вам впервые с прошением, но, видя моего бедного отца, нашу страну и народ, согнувшихся под игом несправедливости, я естественно обратила свои взоры к Вам… с которым меня связывают узы любви и доверия. Вот почему я, как дочь, идущая за своим отцом, умоляю Вас употребить всю власть, чтобы облегчить те ужасные условия,

которые отца вынудила принять грубая сила Германии. Вы знаете, как глубоко мое доверие к Вам. От имени моего отца я прошу у Вас помощи, если это возможно, и защиты от наших ужасных врагов».

Дагмар была бы изумлена, узнав, как покоробило Александра II это письмо. Что и говорить, Россия возмутилась условиями Венского договора, но не до такой степени, чтобы ссориться из-за этого с Германией. Дипломатическими усилиями решить проблему было невозможно. Что же, эта девочка хочет, чтобы Россия вступила из-за какой-то там Дании в войну?!

Наверняка принцессу подзуживал ее отец. А если нет – тем хуже, значит, она просто интриганка.

Александр написал жене возмущенное письмо, Мария, понятное дело, все рассказала Никсу. Тот был просто сражен. Особенно потрясло его выражение «паутина интриг». Эти слова применительно к Дагмар казались не просто кощунственными – убийственными! Он был готов написать отцу самое раздраженное письмо. Однако его ведь готовили на роль государя. А царь, хочет не хочет, должен быть дипломатом. И Никс после тщательного обдумывания отправил императору такое послание:

«Мне мама уже говорила о письме, которое ты получил от Дагмар. Ты можешь себе представить, милый па, как мне было неприятно, тем более что у Дагмар характер твердый и не наклонный поддаваться каким-то наущениям. Я убежден, что это дело королевы, и удивляюсь, как она решилась заставить дочь написать такое письмо, особенно когда мир уже подписан. Я надеюсь, милый па, что ты не будешь сетовать на мою бедную невесту за бестактность ее матери. Ты, верно, полюбишь мою милую Дагмар, когда ее узнаешь; у нее редкое сердце и она, конечно, будет для тебя и для мамы любящей и благодарной дочерью».

Император довольно хорошо знал королеву Луизу, известную как «шалая особа», однако она вряд ли стала бы вмешиваться в суровые политические игры. Дело было, конечно, только в Дагмар… Однако Александр Николаевич не пожелал продолжать скандал. Прежде всего ради сына, ибо известия о его здоровье шли в Петербург самые неутешительные. Невинный прострел был вовсе не прострел, а почечный ревматизм.

Но император не больно-то доверял ни врачам, ни собственной жене, поэтому решил отправить в Ниццу Александра. Тому недавно исполнилось двадцать лет, и он был известен своим трезвомыслием и рассудительностью. Пусть посмотрит, что там и как, и приободрит брата.

О самом плохом еще никто не думал. Александр был

совершенно уверен, что Бог не допустит смерти его любимого брата. Нет, этого не может быть. И не должно быть!

5 апреля он прибыл в Берлин и здесь узнал новость: Никс вчера причащался. Это сразило Александра. Наконец-то он признал, что пытался обмануть себя. Дело плохо…

Он ринулся в Ниццу почти с неприличной поспешностью, даже не нанеся визита германскому королю. Но тут было уже не до официоза и не до короля. И словно в награду за преданность Александр узнал, что брату стало лучше.

Тем временем император Александр 6 апреля с сыновьями выехал из Петербурга. Поездка по Европе была проделана царским поездом с невероятной скоростью: за 85 часов добрались до Ниццы. При этом император не мог изменить себе: в Берлине он беседовал с Вильгельмом I, в Париже – с императором Наполеоном III. Правда, в знак уважения к чувствам отца оба государя встретились с русским императором на вокзалах. А в Дижоне к царскому поезду присоединился другой – шедший из Дании. На этом поезде были королева Луиза, наследник престола Фредерик и принцесса Дагмар.

Александр Николаевич был поистине великодушен. Даже в пылу неприязни к «паутине интриг» он помнил о любви, которая соединяла Никса и Дагмар, а потому предложил в распоряжение датской королевской семьи свою яхту «Штандарт», чтобы отправиться в Ниццу. Однако путешествие морем могло затянуться. Дагмар с матерью поехали поездом и прибыли в Ниццу вместе с русским императором.

Александр Николаевич, отгонявший от себя дурные мысли сколько возможно, в пути всецело отдался самым мрачным предчувствиям, самым мрачным ожиданиям. И они его, к несчастью, не обманули.

Никс был уже при смерти. То улучшение, которое так обрадовало его брата, было лишь призраком, издевкой смерти, которая иной раз любит поманить свою жертву мнимыми радостями жизни. Никс бредил, почти никого не узнавал. Убитая горем императрица Мария рыдала, почти не переставая. Александр заходил в комнату к брату, смотрел на его лицо, ставшее неузнаваемым, крепился, сколько мог, а потом уходил к себе и давал волю слезам.

Брат не видел его, не узнавал. Лежал в забытьи, иногда стонал так, что разрывалось сердце.

Александр был до того потрясен, что едва ли обратил внимание на прибытие его невесты. Познакомился с ней вечером, утром увидел вновь – и никак не мог припомнить, кто это. Пришлось спросить у кого-то из приближенных. Так вот она,

«душка Дагмар». Ни на какую душку она теперь не была похожа. Заплаканная, измученная горем девочка. Ему стало жаль ее, но еще больше ему было сейчас жаль своих родителей и себя. А уж Никса-то…

В ночь на 11 апреля Александра, который приказал себя будить при малейшей перемене в состоянии здоровья брата, подняли с постели вестью, что цесаревич-де слабеет. Он кинулся на первый этаж, где была спальня Никса. И не поверил глазам, встретив его осмысленный, узнающий взгляд. Никс улыбнулся, протянул невероятно худую руку, сказал:

– Славный человек!

Александр сжал его пальцы и сел рядом, даже не сознавая, что из глаз его текут слезы.

Это было в пять часов утра. В девять врач позволил прийти Дагмар. Она всю ночь не спала – готовила себя к этой встрече. Готовила себя к самому худшему, но и вообразить не могла, что придется увидеть. Рассталась в ноябре с самым прекрасным из всех прекрасных принцев на свете, а в апреле увидела его желтым, измученным, исхудавшим до неузнаваемости, полуживым… нет, уже умирающим!

Она разрыдалась, но тут же попыталась успокоиться, чтобы не расстраивать Никса. Впрочем, что его могло теперь расстроить? Сознавая, что жизнь истекает, он пытался насладиться ее последними мгновениями. Прикосновением к тем, кого он больше всех любил: к невесте и к брату.

Александр и Дагмар сидели по обе стороны его постели, держали его за руки. Никс был между ними. Разделял он их? Или соединял?..

Втроем, вместе, они слушали Евангелие от Иоанна, которое читали умирающему:

«Да не смущается сердце ваше – веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я б сказал вам: «Я иду приготовить место вам». И когда приду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы вы были, где Я. А куда иду Я, вы знаете, и путь знаете».

Эти слова призваны были утешать. Но они написаны для стариков! Разве можно утешить юность, которая вступает на путь вечной разлуки с жизнью и любовью?..

Днем Николай причастился и простился со всеми. Силы его были совершенно истощены. К вечеру он уже никого не узнавал, сознание покинуло его. Все было кончено. Вскоре после полуночи Никс умер.

Горевали все, но горе Дагмар поражало всех. В восемнадцать

лет сделаться невестой-вдовой! Она оплакивала не только любимого, но и себя. И прежде-то маленькая, тоненькая, она истончилась так, что стала похожа на призрак. Когда ее с трудом отрывали от гроба Никса, казалось, что она вот-вот умрет. Ее отчаяние разрывало сердце, и родители поневоле смиряли свои рыдания, чтобы утереть ее слезы.

Но в конце концов пришлось покинуть Ниццу. Царская семья провела несколько дней в Германии, в Югенхайме, на берегу Рейна, у своего родственника, герцога гессенского Людвига; вместе с ними там гостила и Дагмар. А потом она уехала в Данию – уверенная, что больше никогда не станет невестой.

А русские отбыли в Россию. Все были подавлены, но мрачнее всех выглядел Александр. Горе от потери брата мешалось с тайным страхом: теперь он стал цесаревичем и наследником престола. Почти с ужасом вспоминал свои детские бредни о том, что когда-нибудь будет править, почти с ненавистью к себе думал: «Ну вот, накликал!»

И снова вспоминал брата, понимая, что без Никса жизнь его будет наполовину пуста.

Однако ему становилось чуточку легче, когда он думал, что есть человек, который страдает так же безутешно, горюет так же безудержно, как он; человек этот тоже потерял половину души.

Ему понравилась Дагмар. В Югенхайме она рассказывала о своей любви к его брату, и Александр думал, что Никсу повезло. Вернее, могло бы повезти, останься он жив. В самом деле, эта девушка могла сделать человека счастливым. Брак с ней не был бы для Никса сугубо династическим браком по расчету. Это была любовь – та самая любовь, о которой так мечтал сам Александр…

Увы – любовь не сбывшаяся.

Между тем родители Никса тоже оценили его невесту. В горе она стала им куда милее, чем во дни счастья. Император совершенно забыл о мимолетной неприязни, которую испытал к Дагмар, и даже высказался в том смысле, что как было бы отлично оставить у себя Дагмар навсегда!

Это было воспринято всеми не более чем порыв, душевное движение. Не более.

Однако все ошибались. Дагмар необычайно понравилась своему несостоявшемуся свекру. Он открыл в ней сильную натуру – такая девушка была бы истинной подругой государственного деятеля, будущего императора. Никс умер – но остался его брат, которому тоже надо будет искать жену. А зачем ее искать – вот же она! Александр гораздо слабее своего старшего брата – ему еще больше нужна сильная и умная женщина рядом.

Он написал Дагмар ласковое письмо, в котором снова

высказал свое желание, чтобы она навсегда осталась в их семье.

Этот намек нельзя было истолковать иначе как косвенное предложение выйти за Александра.

Дагмар растерялась. Она только что поставила крест на своем счастье – да и на блестящей, великолепной партии. И вот теперь ее опять поманили этим блеском.

Было бы наивно и нечестно думать, что ее не привлекала возможность все-таки сделаться российской императрицей. А кто на ее месте не прельстился б этим? Но все-таки, растерянно думала Дагмар, как же быть с любовью и счастьем?

Александр был совсем другой, чем Никс. Если тот, первый, мгновенно вызывал в людях любовь и восхищение, то полюбить этого, второго, будет не так-то просто. И все же Дагмар знала свою натуру. Она знала, что не захочет быть похороненной заживо, она сможет полюбить цесаревича.

Но не все зависело от ее воли, от ее решения. Сначала Александр должен сам смириться с этой мыслью. Выбирает здесь мужчина. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы о Дагмар злословили, ей-де все равно, за кого идти замуж, лишь бы за русского царевича, она-де навязывается Александру…

Она написала письмо императору:

«Мне очень приятно слышать, что Вы повторяете о Вашем желании оставить меня подле Вас. Но что я могу ответить? Моя потеря такая недавняя… С другой стороны, я хотела бы услышать от самого Саши, действительно ли он желает быть вместе со мной, потому что ни за что в жизни я не хочу стать причиною его несчастья. Да и меня это скорее всего также не сделало бы счастливой. Надеюсь, Вы понимаете, что я хочу этим сказать. Но я смотрю на вещи так и считаю, что должна Вам об этом честно сказать».

Одновременно с этим письмом Дагмар отправила цесаревичу Александру фотографию Никса и записку:

«Посылаю Вам обещанный портрет нашего любимого усопшего, прошу Вас сохранить ко мне Ваши дружеские чувства. Пусть воспоминания о нем хотя бы иногда станут нас объединять. Ваша любящая сестра и подруга Дагмар».

Чего она ждала, какого ответа, какого шага?

Об этом знала только она… которая дождалась лишь коротенького любезного ответа. И больше ничего довольно долго. И тогда Дагмар подумала, что не было, наверное, никакого знака Провидения в том, что они с Александром сидели у постели умирающего Никса. Значит, он все-таки не соединял их, а разделял.

* * *

Минул год. За это время изменилось только то, что Дагмар однажды послала Александру свою фотографию, а он едва собрался ответить и поблагодарить. Как ни была неопытна Дагмар, она не могла не понять: Александр к ней равнодушен, и мало этого – его сердце занято другой. При королевских дворах всегда в курсе матримониальных планов принцев и принцесс, и в Дании знали: наследнику русского престола пока еще не ищут невесты. К тому же в письмах императора не гаснет интерес к Дагмар и его желание видеть ее в своей семье. Младший великий князь Алексей завершил строительство небольшой яхты, которую назвал «Дагмар». По всему выходило, что семья русского государя любит датскую принцессу и ждет ее. Но что же тогда происходит с Александром?!

Вскоре стало известно, что в одной из французских газет появилась скандальная статья, где говорилось, что наследник русского престола отказывается от женитьбы на датской принцессе, так как увлечен некоей княжной Мещерской, с которой намерен вступить в морганатический брак. Эта статья была перепечатана датскими газетами, и семья короля Христиана получила изрядный шок.

В этой ситуации достойнее всего вела себя Дагмар. Холодно и спокойно. Только приподняла брови – и уединилась в своих комнатах, не выражая ни печали, ни огорчения, ни смущения. Чудилось, ей совершенно все равно.

Однако ее отцу не было все равно. Король написал в Петербург и спросил, правда ли все это.

Император вызвал сына и в свою очередь задал этот же вопрос. Александр сперва молчал, потом сказал, что в Данию ехать не может и жениться не хочет.

– Отчего же? – спросил император, силясь говорить спокойно. – Что тебе мешает? Уж не любовь ли к Мещерской?

Сын промолчал. Отец перенес беседу на завтра и попросил его хорошенько все обдумать.

Император выглядел невозмутимым. Но, глядя вслед уходящему цесаревичу, с невольным раскаянием подумал, что отчасти сам виноват, что ситуация зашла так далеко. Но кто мог ждать от этого увальня Маки…

Его увлечение фрейлиной императрицы Мари Мещерской было замечено родителями давно. Но кто не увлекался в юности? Кто не влюблялся? «Увалень Мака» всегда опаздывал – опоздал он и с первой любовью. В двадцать лет впервые потерять голову от женщины… Смешно. Он и выглядел смешным, почти

водевильным персонажем: высоченный неповоротливый красавец, который пытался увиваться вокруг тоненькой, юркой и хитренькой особы. Даже не очень хорошенькой!

Да, княжна Мещерская не блистала красотой. Однако она была довольно пикантная крошка и при этом очень умная – безусловно редкое сочетание при дворе! Это выделяло ее из толпы пресных жеманниц, «милых мордашек», это привлекло к ней внимание цесаревича, который всегда был избыточно серьезен. И вот вдруг с ним что-то произошло. Он, который всегда чурался светских развлечений, теперь просто-таки закружился в них. Он даже стал танцевать. Правда, его дамой отчего-то всегда бывала лишь фрейлина Мещерская. Он норовил не только танцевать с ней, но и сидеть рядом. А его взгляды?! Они были слишком красноречивы!

Ну да, он влюбился – впервые в жизни. Может быть, потому, что рядом с Мари не чувствовал себя тем, кем был всегда – неуклюжим, толстым, некрасивым младшим братом, лишь по несчастью вознесенным на высоту своего положения. Казалось, что ей безразлично, кто он и как выглядит. Казалось, что ее интересует лишь родство их душ!

Они украдкой улучали время для встреч. Помогала Саша Волкова, тоже фрейлина: передавала записки, улаживала ссоры, охраняла их уединение во время прогулок. Сашенька очень хорошо понимала, что такое любовь украдкой: она и сама была влюблена в младшего великого князя Алексея. А он был влюблен в нее, но пока это еще было тайной от всех.

О романе же цесаревича начали злословить. «Опять пошли неприятности, – почти в ярости писал Александр в своем дневнике. – М.Э. [1] мне сказала, что к ней пристают, зачем она садится возле меня так часто. Но это не она, а я сажусь возле нее. Снова придется сидеть Бог знает где и премило скучать на собраниях. О глупый, глупый свет со своими причудами!»

«Глупый свет» меж тем был весьма наблюдателен. Все знали, что отношения цесаревича и Мари пока что вполне невинны. Однако «увалень Мака» при всем своей душевном спокойствии уже начал волноваться. Не сегодня завтра он потребует, чтобы Мари стала его любовницей. И… и все это может кончиться очень плохо!

Что больнее и неприятнее всего поразило Александра, это полное неодобрение его самого близкого друга – Владимира Мещерского, внука знаменитого историка Н.М. Карамзина и родственника Мари. Вово, как его звали среди своих, резко сказал, что считает кузину пустышкой, которая способна только разбить человеку сердце, но отнюдь не умеет любить. Ее

привлекает игра с наследником престола, а вообще говоря, она мечтает о выгодной партии – больше ни о чем! Вово умолял друга подумать о России, отрешиться от нелепой страсти к взбалмошной, мелкой, эгоистичной натуре, не заслуживающей ни одной из тех жертв, которые готов во имя ее принести Александр. Вово видел: что-то надломилось в безмятежном богатыре. Александр и сам ощущал себя помешанным. Он всех пугал своей одержимостью и готовностью бросить жизнь свою и судьбу страны под ноги… кому?! «Ненаглядной Дусеньке» – так он звал Мещерскую.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно… Совершеннейший водевиль!

«Я каждый вечер горячо молю Бога, – строчил Александр в дневнике, – чтобы он помог мне отказаться от престола, если возможно, и устроить мое счастье с милой Дусенькой. Меня мучит одно: я очень боюсь, что, когда наступит решительная минута, М.Э. откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен с ней поговорить об этом, и как можно скорее… Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце!»

Итак, он решил сообщить отцу, что отважился на морганатический брак. Правда, вслух сказать это не смог. Написал письмо…

Ему крепко запомнились потом ярость отца и те слова, которые пришлось выслушать. Надолго запомнились. Навсегда!

– Ты что же думаешь, что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание? Знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь я тебе приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а княжну Мещерскую я отошлю! А теперь пойди вон. Знать тебя не желаю.

«Бедный Мака» понял, что все погибло. «О Боже, что за жизнь. Стоит ли жить после этого! Зачем я родился, зачем я не умер раньше?!»

Но он был уже сломлен. Встретился с Мещерской для последнего прощания… и тут что-то невероятное вдруг случилось с этими молодыми людьми, которые никогда не позволяли проявиться своим чувствам. Они бросились друг другу в объятия и слились в таком поцелуе, прервать который казалось невозможно – разве что для признаний в вечной любви.

Но им был предназначен только один этот поцелуй. Времени для признаний у них уже не осталось. Переиначить свою судьбу Александр не мог.

В толпе друг друга мы узнали,

Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали…

Александр вспоминал в ту минуту своего любимого Лермонтова, а когда дошел до слов: «Пускай толпа клеймит презреньем наш неразгаданный союз», – не мог сдержать слез.

Однако проливать их тоже не было времени. Императорская яхта «Штандарт» стояла под парами, чтобы везти цесаревича в Копенгаген. А Мари предстояло отправиться в Париж.

Там они встретятся вновь – спустя год. Мари уже станет женой великолепного Павла Демидова, баснословно богатого. Да, эта партия будет для нее куда интереснее морганатического брака с цесаревичем, вдобавок почти готового отречься от престола.

А еще через год Мари умрет в родах.

* * *

Александр прибыл в Копенгаген почти со страхом – и как нельзя более ощущая себя увальнем. Ему совершенно определенно было известно, что отец хочет его брака с Дагмар. Датская принцесса становилась все больше дорога императору. Он умилялся ее письмами – и в самом деле, ими нельзя было не умиляться:

«Я даже не могу найти слов, чтобы объяснить Вам, как я была тронута, поняв по Вашему письму, что Вы все еще видите во мне одного из Ваших детей. Вы знаете, дорогой папа, какое значение я этому придаю, и ничто не может меня сделать более счастливой. Вот мы уже шесть месяцев без нашего любимого Никса. И только год, как я увидела его отъезжающим в полном здравии! Все это время было мучительно для меня со всеми этими дорогими воспоминаниями о моей недолгой мечте о счастье, за которое я никогда не перестану благодарить небо».

При всем своем простодушии Александр не мог не задаваться вопросом, чего было больше в частых письмах Дагмар: желания беспрестанно играть на струнах императорского сердца или искреннего чувства. А впрочем, какая разница? Так или иначе, она оказалась очень искусной музыкантшей. Ведь и струны его собственного сердца тоже зазвучали в ответ ее взглядам, ее нежному голосу, всему тому очарованию, которое источала она каждым движением своим. Сперва Александр с превеликим

трудом выпутывался из тенет застенчивости. Но с каждым часом чувствовал себя все легче, свободнее – и счастливее.

Он даже не ожидал, что ему снова может быть так хорошо – и совсем скоро после того, как он потерял любовь всей своей жизни… И впервые он подумал, что Вово Мещерский был кое в чем прав. А уж как прав был обожаемый Никс, что так любил Дагмар! С ней так легко, так свободно. Александр настолько освоился, что решился спеть для Дагмар несколько куплетов из оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена». Она была необычайно популярна в Петербурге, однако в Копенгагене о ней еще не слышали. Его пение произвело фурор. Больше всех, кажется, удивлялся брат Владимир, которого император послал присматривать за «увальнем Макой», чтобы не дай Бог не сорвался с датского крючка. Похоже, Александр больше не нуждался в присмотре!

В самом деле – безумие прошлого года все дальше уходило от Александра. Он не сомневался теперь в том, что ему нужна именно Дагмар. Однако мучил стыд перед отцом, который видел его в минуту слабости и трусости, недостойной наследника русского трона. И он счел своим долгом расставить все точки над «i»: «Милый па, пожалуйста, не думай, что все это только пустые слова, я боюсь, что ты мне не поверишь после всего того, что было в последнее время в Царском. Но я совершенно переменился и сам себя не узнаю».

Такое покаянное послание ушло в Петербург. Отец поверил ему, одобрил и ободрил Александра письмом, а про себя подумал: попробовал бы сын не образумиться!

Однако вскоре состояние цесаревича перестало быть таким уж безоблачным. Дело в том, что он вдруг усомнился в чувствах Дагмар. Она держалась так ровно, так по-сестрински! В ее поведении не было ничего, кроме родственной нежности и вежливого безразличия. Кажется, она не больно-то и хотела выходить за него замуж. В самом деле, ну что он такое по сравнению с блестящим Никсом?!

Александр совершенно не был знаком с женскими уловками. Мари опасалась дразнить его кокетством, поэтому у него не было вообще никакой практики. И он оробел, столкнувшись с простейшей девичьей гордостью.

А Дагмар испытывала немалое наслаждение, терзая своего неуклюжего гостя. Довольно она настрадалась от неопределенности! Пусть теперь помучается Александр.

И он мучился. Покорно мучился…

Однако молчал, словно язык проглотил. Чудилось, он намерен погибнуть в пытках любви – но не сказать ни слова.

Дело в свои руки взял брат Дагмар – наследный принц Фредерик. Причем он так умело повел разговор, что Александр остался в убеждении, будто это он сам умолял Фредерика узнать о настроениях короля касательно его брака с Дагмар. Спустя несколько дней они столкнулись с Христианом в королевской конюшне. Здесь, потчуя хлебом своего любимого коня, король снисходительно сообщил, что не возражает, чтобы Александр сказал Дагмар о своей любви.

Честно говоря, ему равно нравились и русский престол, и сам Александр. Ну а что (кто) предпочтительнее для Дагмар – это ее дело.

Однако получить разрешение от отца и признаться в любви к дочери – это все же разные вещи. Александром опять овладела нерешительность. Королевскому семейству это затянувшееся сватовство понемножку начало надоедать. Да что, клещами тащить из этого недотепы объяснение, что ли?

Клещи не клещи, но король поговорил с дочерью очень решительно. В разговоре приняли участие и брат принцессы Фредерик, и сестра – принцесса Тира. Она была совсем еще девочка, но очень сообразительная девочка…

На другой день – это был десятый день пребывания русского медведя в Дании! – перед завтраком Дагмар пригласила Александра посмотреть ее комнаты. Разумеется, с ними пошли король и Фредерик, однако потом они куда-то исчезли. Лишь только за ними затворилась дверь, как малышка Тира, караулившая на лестнице, повернула ключ в замке.

– Теперь он никуда не денется! – хихикнул Фредерик, спускаясь по ступенькам. А сдержанный Христиан вздохнул.

Александру и впрямь некуда было теперь деваться. Но он все никак не решался отверзнуть уста. Уже и комнаты оглядел дважды, и перебрал все фотографии в альбомах. Руки Александра тряслись, он безумно волновался. Кажется, терпение начало иссякать даже у Дагмар. Она разозлилась и предложила гостю прочесть письма его брата.

Стоило робкому Александру увидеть знакомый почерк и почувствовать себя на проторенной дорожке, как у него прорезался голос.

– Говорил ли с вами король о моем предложении… о моем разговоре? – нетвердо спросил он.

– О каком разговоре? – сделала большие глаза коварная и измученная Дагмар.

– О том, где я… когда я… что я… – начал бормотать Александр.

Дагмар, девушка начитанная, вспомнила, что когда-то

слышала о передаче мыслей на расстоянии. И, пристально глядя на беднягу, стала произносить про себя: «О том разговоре, когда я просил вашей руки!»

Лицо Александра осветилось, словно лицо ученика, который не выучил урок, но вдруг получил спасительную подсказку.

– Я прошу вашей руки! – едва ли не выкрикнул он с восторгом.

Дагмар испытала такое облегчение, что даже не в силах была доиграть до конца свою роль: бросилась на шею к Александру и обняла его. Ну, тут уж он сам, без подсказки сообразил, что делать, и стиснул ее тонкую талию так, что девушка ни единым звуком не могла протестовать против такого пылкого объятия и последовавших за этим несчетных поцелуев.

Наконец Дагмар вспомнила о приличиях и кое-как вырвалась из рук обо всем забывшего Александра.

Но лучше бы она этого не делала! Едва он уселся в уголке дивана, а Дагмар устроилась в кресле, как увалень снова начал возводить вокруг своего сердца оборонительные рубежи. Он не нашел ничего лучшего, как спросить:

– Можете ли вы любить еще кого-нибудь, кроме моего милого брата?

Выдержка у Дагмар была отменная – она нежно ответила:

– Я не могла бы любить никого, кроме его милого брата!

После этого она поспешно поцеловала Александра, чтобы он прекратил, наконец, молоть всякую чепуху. Однако Александр с повлажневшими глазами начал говорить, что милый Никс много помог им в этом деле и что теперь он, конечно, горячо молится об их счастье.

Дагмар кивала, утирала в свою очередь слезы, а сама горячо молилась, чтобы отец услышал ее мысленный призыв и наконец-то вернулся.

И это случилось! Повернулся ключ в двери, и на пороге возникли король, королева и Фредерик. Тут же маячила принцесса Тира и многочисленные приближенные.

Если даже Александр и захотел бы дать деру, то сквозь такой заслон прорваться было немыслимо.

Начались поздравления, слезы… Дагмар едва не упала в обморок. Это приписали ее нежной чувствительности и печальным воспоминаниям, которые иной раз являются к нам так некстати. На самом же деле она была чуть жива от усталости после этого объяснения.

А Александр… Александр сиял и выглядел совершенно счастливым. Чудилось, у него с души свалился камень. И тогда Дагмар вдруг распознала самое слабое место своего жениха: он с

трудом принимал решения, потому что толком не знал, чего хочет. Но если рядом с ним будет кто-то, кто станет указывать, чего именно хотеть следует, а чего не следует… Тогда с ним вполне можно будет поладить. Даже самой сделаться счастливой!

* * *

И ей это вполне удалось! Среди нескольких поколений русских государей трудно было отыскать более гармоничную пару, чем император Александр III и императрица Мария Федоровна: Мака и Минни.

Они потом не раз вспоминали ту страшную, горькую минуту, когда сидели по обе стороны умирающего Никса, а он держал их за руки. Выходит, он все-таки соединил их. Соединил навеки!

notes

Примечания

1

Мещерскую звали Мария Элимовна.